

О. К. Листратова (Минск, Республика Беларусь)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СФОРМИРОВАННОСТИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА
И ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ
В ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучение английского языка выступает значимым инструментом гарантирования гуманитарной, социальной и профессиональной безопасности лицам с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи. Это объясняет актуальность разработки прагматической задачи открытия лицам целевых категорий продуктивной перспективы пользоваться иноязычным словом через овладение лингвистической деятельностью по семантизации структурно усложненных единиц и моделированию их структуры для выражения необходимой в процессе речи-мысли семантики.

Освоение языка в целом подразумевает формирование у индивида в онтогенезе речи процедуральных знаний, отражающих «способность или неспособность индивида проделать ряд действий определенного рода» [1, с. 36]. Описывая виды процедуральных языковых знаний, необходимых для порождения и восприятия речи, в зависимости от их отнесенности к разным уровням языковой структуры Н. Б. Мечковская различает фонетико-фонологические, морфологические, синтаксические, лексико-фразеологические и словообразовательные процедуральные знания [2]. Осуществление лингвистической деятельностью по семантизации структурно усложненных единиц и моделирования их структуры для выражения необходимой семантики сопряжено со сформированностью словообразовательных процедуральных знаний, среди которых выделяются:

1) *различение слов с непроеводной и проиеводной основой*, которое определяет отношение к непроеводному слову как к ярлыку, который «случайно» обозначает то, что он обозначает, и стимулирует к поиску смысловой обоснованности проиеводных слов, воспринимаемых как составленных из структурных элементов – морфем;

2) *осознание морфемного состава проиеводного слова*, которое проявляется как приписывание некоторого значения слышимым звуковым сходствам разных слов. Осознав морфемы, составляющие незнакомое слово, индивид стремится «почувствовать» их семантику и объединить структурные элементы в некоторое смысловое целое.

Тот факт, что освоение иностранного языка базируется на тех лингвистических механизмах и знаниях, которые образовались у индивида при формировании родной речи [3], требует исследования степени сформированности словообразовательных процедуральных знаний у людей с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи на родном языке с тем, чтобы определить перспективность овладения лингвистической деятельностью по семантизации структурно усложненных единиц и моделированию их структуры для выражения необходимой семантики на базе иностранного (английского) языка.

Поскольку наличие процедурального языкового знания у индивида проявляется косвенно – в достижении нужного результата (например, порожденное высказывание оказалось вполне узуальным, воспринятое слово было верно семантизировано и т.д.), а вербализация своего процедурального знания представляет для говорящего достаточно трудную, если не невозможную задачу в силу того, что оно является неявным, имплицитным, подразумеваемым знанием (англ. *tacit knowledge* ‘молчаливое знание’), то определению степени его сформированности могут служить наблюдение за речевым поведением говорящего и детальный анализ продуктов его словообразовательной деятельности. С данной целью был организован и проведен констатирующий эксперимент с участием 15 испытуемых с нарушением слуха и 16 испытуемых с тяжелыми нарушениями речи в возрасте 11–13 лет, в ходе которого испытуемым предлагалось выполнить два вида вербальных действий, отражающих *различение ими непроеводных и проиеводных слов и осознание морфемного состава проиеводного слова*. Для интерпретации полученных результатов испытуемых использовалась оценочная шкала, разработанная специалистами в области сурдопедагогики [4, с. 81]. В соответствии с ней лингвистические действия с ЛЕ, выполненные с адекватностью в 91 % и выше, расцениваются как «отличное понимание» выполняемой процедуры, на 85–90 % – «хорошее», что соответствует высокой степени сформированности знания. При адекватном выполнении лингвистических действий на 76–84 % понимание выполняемой процедуры квалифицируется как и «предельно удовлетворительное», что характерно для средней степени

сформированности знания. Адекватное выполнение менее 75 % действий со словами расценивается как «минимальное» понимание выполняемой процедуры и низкая степень сформированности знания соответственно.

З а д а н и е 1

Цель – определить, различают ли испытуемые производные и производные слова.

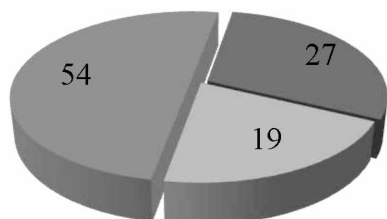
Процедура выполнения: испытуемым предлагается 6 рядов слов, включающих одну структурно простую и три производные ЛЕ, относящиеся к одному лексико-семантическому полю, например, *штанишки – кофточка – свитерок – юбка, утенок – котенок – заяц – галчонок*, либо относящиеся к разным лексико-семантическим полям, но имеющие графическое сходство, например, *предчувствие – предмет – предписание – предплечье, невеста – несчастье – недруг – непогода*. Задача испытуемых заключается в необходимости выбрать из каждого ряда лишнее слово (словесной инструкции о принципе выделения лишнего слова не давалось) и объяснить принцип своего выбора.

Анализ результатов испытуемых показал, что выполнение данного вида вербальных действий не вызывало затруднений только у четверти испытуемых с нарушением слуха (27 %) и тяжелыми нарушениями речи (25 %), выбравших лишним производное слово в 5–6 предложенных рядах. Комментарии испытуемых в процессе выполнения задания свидетельствуют об интерпретации ими значения производных слов на базе разложения их на структурные элементы (например, «предчувствие, предписание... – раньше...; предмет – вещь, не подходит»). 54 % испытуемых с нарушением слуха и 75 % испытуемых с тяжелыми нарушениями речи, допустившие 50 % ошибок и более, не могли объяснить принцип вычленения лишней единицы. В единичных случаях испытуемые комментировали свой выбор различными аспектами семантики слов, например, выбор ЛЕ *кофточка* лишней в ряду ЛЕ *штанишки – кофточка – свитерок – юбка* объяснялся испытуемым «потому что она холодная», ЛЕ *утенок* в ряду *утенок – котенок – заяц – галчонок* трактовалась как лишняя «потому что летает» и пр.

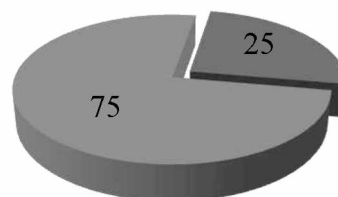
Интерпретация результатов: использование для обработки полученных результатов описанной оценочной шкалы позволяет утверждать, что лишь у четверти испытуемых обеих экспериментальных групп (27 % испытуемых с нарушением слуха и 25 % с тяжелыми нарушениями речи), достигших наиболее близких к отличному и хорошему пониманию выполняемой процедуры результатов (83–100 %), можно диагностировать адекватное различение простых и производных ЛЕ, что говорит о высокой степени сформированности соответствующего процедурального знания (рис. 1). Как существенно затрудненное можно охарактеризовать различение простых и производных слов 19 % испытуемых с нарушением слуха, показавшим близкое к минимальному понимание выполняемой процедуры. Половина испытуемых с нарушением слуха (54 %) и три четверти испытуемых с тяже-

лыми нарушениями речи (75 %) не осознают существование различных с точки зрения структурной сложности слов, что дает основание квалифицировать степень сформированности такого словообразовательного процедурального знания как *различение слов с непроеводной и производной основой* у испытуемых как низкую, не соответствующую возрасту.

Группа с нарушением слуха

Группа с тяжелыми нарушениями речи

- Адекватное различение простых и производных ЛЕ (высокая степень сформированности знания)
- Затрудненное различение простых и производных ЛЕ (средняя степень сформированности знания)
- Неразличение простых и производных ЛЕ (низкая степень сформированности знания)

Рис. 1. Сравнительная характеристика различения простых и производных слов испытуемыми, %

Задание 2.

Цель – определить, осознают ли испытуемые морфемный состав производного слова.

Процедура выполнения: испытуемому предлагается образец с двумя словами, связанными отношением производности, например, *навлин – навлинний*, и тестовое слово, например, *лиса*. Задача испытуемых заключается в подборе слова, находящегося с тестовым словом в заданных образцом отношениях, и объяснении своего выбора. В случае ошибки испытуемого перед ним ставится упрощенная задача – выбрать из списка единственно правильное слово, отражающее заданное отношение, например, *лисий, лис, лисичка*. Процедура повторяется со следующим тестовым словом (всего 6 тестовых слов). Выполнение данного задания требует решения испытуемыми двух лингвистических задач: 1) проанализировать ЛЕ образца, идентифицировать морфему, модифицирующую структуру первой ЛЕ, актуализировать передаваемое ей значение; 2) самостоятельно перемоделировать структуру тестового слова либо выбрать из списка ЛЕ через идентификацию в ее структуре морфемы, обладающей актуализированным значением.

Анализ результатов испытуемых свидетельствует о том, что лишь четверть испытуемых из каждой экспериментальной группы (27 % испытуемых с нарушением слуха и 25 % испытуемых с тяжелыми нарушениями речи) продемонстрировали способность, обработав пары ЛЕ, идентифицировать структурный элемент, актуализировать его значение и самостоятельно перемоделировать структуру 4–5 из 6 тестовых слов для передачи заданного образцом значения. Возможность судить об этом была получена из комментариев, сопровождающих лингвистическую деятельность испытуемых (примером могут выступить следующие рассуждения/комментарии испытуемых: «козленок ... маленький ... значит, надо маленький ... гусенок», «малина ... малиновый ... какой ... гранатовый» и пр.). 40 % испытуемых с нарушением слуха и 25 % испытуемых с тяжелыми нарушениями речи справились с самостоятельным моделированием структуры половины тестовых слов, выбрав оставшиеся из списка. Значительные трудности в выполнении задания испытали треть испытуемых с нарушением слуха (34 %) и тяжелыми нарушениями речи (37,5 %), которые оказались не способны самостоятельно смоделировать структуру тестовых ЛЕ, справляясь адекватно исключительно с выбором из списка. Выполнение задания 12,5 % испытуемых с тяжелыми нарушениями речи можно трактовать как неудовлетворительное в силу случайного угадывания минимального количества ЛЕ из предложенных списков. Обращает на себя внимание тот факт, что эти испытуемые не комментировали либо не могли объяснить свой выбор.

Интерпретация результатов: обращение к используемой шкале позволяет сделать вывод о том, что лишь четверть испытуемых с нарушением слуха (27 %) и испытуемых с тяжелыми нарушениями речи (25 %) демонстрируют хорошее понимание выполняемого действия, а осознание ими морфемного состава слова можно квалифицировать как адекватное (рис. 2). 40 % испытуемых с нарушением слуха и 25 % испытуемых с тяжелыми нарушениями речи, процентное выполнение задания которыми говорит о минимальном понимании выполняемой процедуры, испытывают значительные трудности в осознании морфемного состава слова и демонстрируют среднюю степень сформированности соответствующего процедурального знания. Оставшаяся треть испытуемых с нарушением слуха (33 %) и половина испытуемых с тяжелыми нарушениями речи (50 %) не осознают морфемный состав производного слова, о чем свидетельствует их абсолютная неспособность разложить производное слово на структурные элементы и самостоятельно образовать ЛЕ для передачи заданного образцом отношения. Полученные данные позволяют подтвердить вывод, сделанный по первому показателю, о недостаточной возрасту степени сформированности такого процедурального словообразовательного знания, как *осознание морфемного состава производного слова* у подавляющего большинства испытуемых обеих экспериментальных групп.

- Хорошее осознание морфемного состава производного слова (высокая степень сформированности знания)
- Затрудненное осознание морфемного состава производного слова (средняя степень сформированности знания)
- Неосознание морфемного состава производного слова (низкая степень сформированности знания)

Рис. 2. Сравнительная характеристика осознания испытуемыми морфемного состава слова, %

Таким образом, результаты констатирующего эксперимента свидетельствуют о несоответствующей возрастной норме степени сформированности словообразовательных процедуральных знаний у трех четвертей испытуемых с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи. Полученные данные на базе родного языка приводят к заключению о недостаточной эффективности языкового анализа лиц с речевой и слуховой патологиями и требуют констатировать, что рассчитывать на самостоятельное освоение иноязычного словообразования лицами с глубоким нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи и, как следствие, овладение лингвистической деятельностью по семантизации структурно усложненных единиц и моделированию их структуры для выражения необходимой в процессе речи-мысли семантики иллюзорно.

Невозможность изменить перцептивные условия, в которых живут люди целевых категорий и которые оказывают сдерживающее влияние негативного характера на процесс освоения словообразовательной деятельности в условиях слуховой и речевой депривации, требует поиска способов их компенсации посредством эксплицитного представления закономерностей структурно-семантической организации англоязычной лексики с целью передачи их лицам с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи для обеспечения их возможностью производить лингвистические операции с англоязычными ЛЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Райл, Г.* Понятие сознания: пер. с англ. / Г. Райл; под общ. ред. В. П. Филатова. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 408 с.
2. *Мечковская, Н. Б.* Психолингвистические аспекты словообразования: виды процедурального ономаσιологического знания в структуре языковой компетенции говорящих / Н. Б. Мечковская // Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2014 г. / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; навук. рэд. В. М. Нікалаева. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 147–152 .
3. *Зикеев, А. Г.* Развитие речи слабослышащих учащихся / А. Г. Зикеев. – М. : Педагогика, 1976. – 317 с.
4. *Бельтюков, В. И.* Чтение с губ фонетических элементов речи / В. И. Бельтюков. – М. : Просвещение, 1967. – 144 с.